

ЧЕРНАЯ ВЪРА

ИЛИ

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ И ДРУГІЯ СТАТЬИ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ И БІОГРАФІЕЙ.)

ИЗДАНО НА СРЕДСТВА ЧАСТНЫХЪ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСТОЧНО-
СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГРАФ. ОБЩЕСТВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Г. Н. ПОТАНИНА.

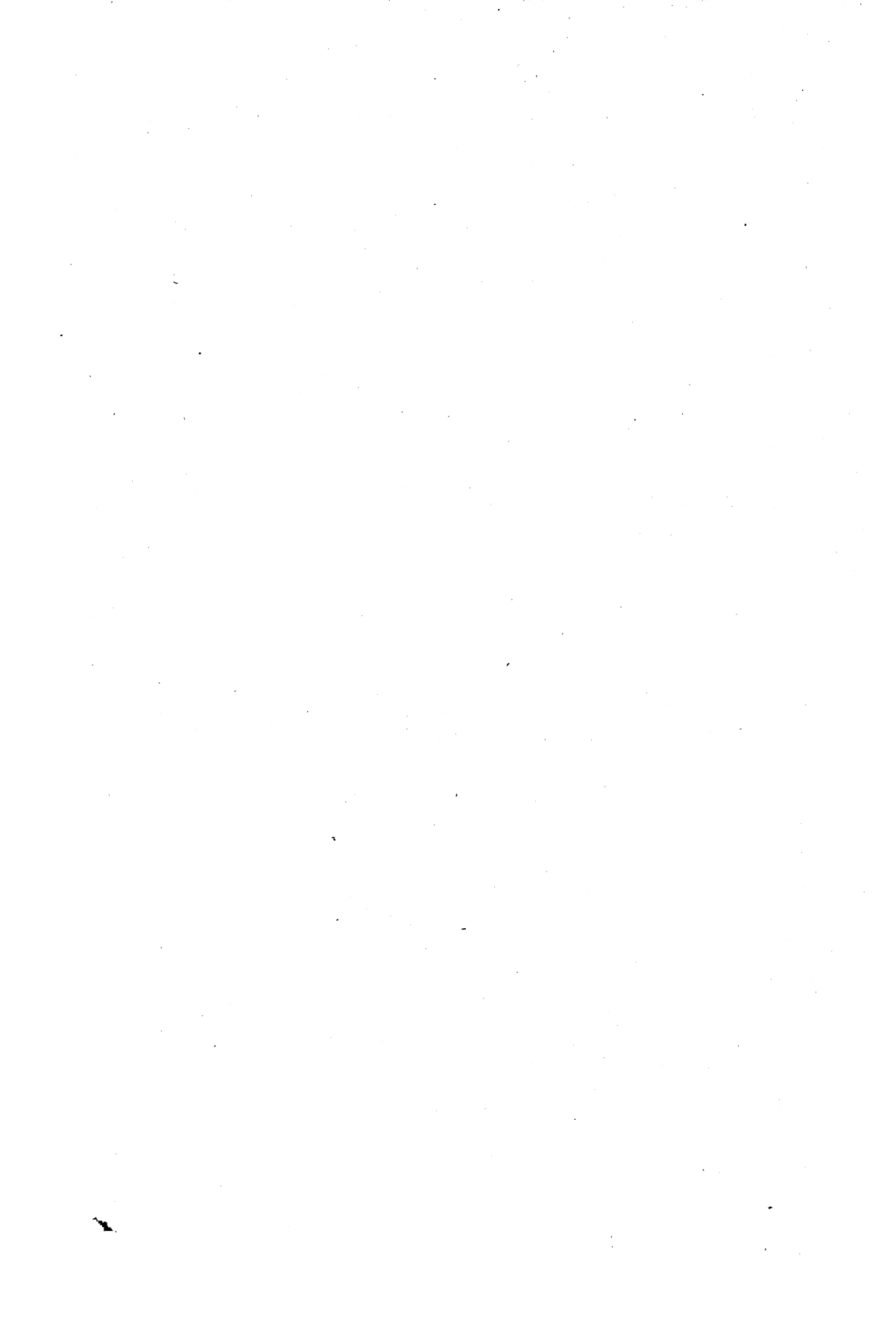

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

АЛЕКСАНДР
УСТИНОВИЧ
БАЦАРОВ

Базаровъ

ЧЕРНАЯ ВЪРА

или

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

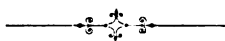
ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ И ДРУГІЯ СТАТЬИ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ И БІОГРАФІЕЙ.)

ИЗДАНО НА СРЕДСТВА ЧАСТНЫХЪ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСТОЧНО-
СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГРАФ. ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Г. Н. Потанина.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1891.

AIRMAIL
VT1234567
YR1234

Намѣреніе издателя вначалѣ было перепечатать только одну статью Банзарова „Черную вѣру“, приложивъ къ ней біографію этого замѣчательнаго бурята. Имѣлось въ виду отчасти доставить лицамъ, занимающимся мифологіей и фольклоромъ сибирскихъ инородцевъ, возможность вновь пріобрѣтать статью Банзарова, которая стала бібліографическою рѣдкостью; но главная цѣль была напомнить бурятамъ объ ихъ замѣчательномъ соплеменникѣ, а также и русской публикѣ объ этомъ одинокомъ случаѣ, оставшемся въ продолженіи тридцати лѣтъ безъ повторенія.

Вотъ какъ оцѣнивалось тридцать лѣтъ тому назадъ на языкѣ того времени неожиданное появленіе среди русскихъ ученыхъ образованнаго монгола: „Блескъ примѣчательной личности, — писалъ оріенталистъ Савельевъ въ біографіи Банзарова, — отражается и на народѣ и буряты отнынѣ пріобрѣли право на бѣльшее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ“ *).

*) О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова. СПб. 1855. Стр. 38.

Однако въ настоящее время имя Банзарова среди самихъ бурятъ извѣстно только въ самомъ ограниченномъ кружкѣ лицъ; еще менѣе оно извѣстно русскимъ (за исключеніемъ, конечно, оріенталистовъ). Среди бурятъ его еще помнятъ селенгинскіе буряты, между которыми и до сихъ поръ еще живутъ его близкіе родственники; болѣе же отдаленные отъ Селенги буряты едва-ли слыхали объ этомъ имени. Въ настоящее время среди бурятъ изрѣдка появляются лица съ среднимъ образованіемъ, читающіе русскіе журналы; имъ было бы любопытно и поучительно прочесть біографію интереснаго земляка, о которомъ современники отзывались съ такой симпатіей, но біографія Банзарова и его собственныя статьи помѣщены въ ученыхъ изданіяхъ, которыя въ глухой провинціи трудно достать. Удовлетворить этой потребности, вотъ въ чемъ состояла собственно цѣль настоящаго изданія.

Денежныя средства на изданіе далъ одинъ образованный бурятъ съ тѣмъ, чтобы на вырученныя отъ продажи деньги было предпринято новое изданіе, относящееся къ бурятамъ же. Такъ какъ литературное наслѣдство, оставленное Банзаровымъ, не велико, то впослѣдствіи было рѣшено расширить изданіе и включить въ него кромѣ „Черной вѣры“ и другія статьи Банзарова. Расширеніе потребовало увеличенія издержекъ; новыя средства были найдены; одновременно съ этимъ назначеніе выручки отъ изданія было измѣнено; рѣшено обратить изданіе въ пользу Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, дѣятельность котораго по

изслѣдованію бурятскаго племени за послѣднее время усилилась.

Для біографическаго очерка намъ пришлось почти ограничиться статьей Савельева: „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова“. Внѣ этого матеріала намъ удалось получить только самыя краткія сообщенія отъ гусино-озерскаго хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева, Ю. Л. Лумбунова, М. В. Загоскина и г. Гантимурова. Эти послѣднія такъ незначительны, что вмѣсто переработки очерка, сдѣланнаго Савельевымъ, слѣдовало бы просто перепечатать эту статью; къ сожалѣнію это оказалось невозможнымъ, такъ какъ статья Савельева на половину состоитъ изъ изложенія статей Банзарова, и помѣстить ее цѣликомъ было бы излишне рядомъ съ самими статьями.

Хотя біографическій очеркъ сухъ, но онъ все-таки даетъ нѣкоторые факты и русскій читатель найдетъ въ немъ матеріалъ для размышленія. Иностранецъ, вовлеченный въ русское умственное движеніе, — такихъ фактовъ русская жизнь знаетъ не много, а въ жизни бурятскаго племени это примѣръ единственный, послѣ того не возобновлявшійся. Въ сороковыхъ годахъ Банзаровъ становится въ ряды ученыхъ оріенталистовъ, а теперь мы рѣдко когда встрѣтимъ бурята, учившагося въ гимназіи или даже въ учительской семинаріи. Русскіе патріоты сороковыхъ годовъ въ родѣ оріенталистовъ Григорьева и Савельева увидѣли въ Банзаровѣ явленіе, вызванное прогрессивнымъ ходомъ русскаго просвѣщенія; но тотъ, кто прочтетъ біографію Банзарова, убѣдится, что образованность Банзарова была чистая случайность. Вотъ

почему въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ не было другого Банзарова. Захватъ бурятскаго племени общимъ русскимъ стремленіемъ къ образованію еще впереди; теперь онъ только что начинается. Въ настоящее время дѣйствительно въ бурятскомъ народѣ пробуждается желаніе учиться у русскихъ учителей; по послѣднимъ даннымъ въ народныхъ школахъ учится 517 мальчиковъ-бурятъ; нѣкоторые учатся въ русскихъ школахъ, но есть и улусныя бурятскія школы, въ которыхъ всѣ учащіеся буряты. Другіе мальчики учатся въ учительской семинаріи въ Иркутскѣ; встрѣчаются буряты и въ гимназіяхъ иркутской и читинской. Нѣкоторые буряты начинаютъ уже принимать участіе въ сибирской мѣстной прессѣ, другіе примыкаютъ къ мѣстному Отдѣлу Географическаго Общества; въ изданіяхъ послѣдняго мы встрѣчаемъ имена бурятъ М. Н. Хангалова, С. А. Пирожкова, И. В. Вамбоцэренова.

Въ одномъ письмѣ къ пріятелю Банзаровъ проситъ увѣрить оріенталиста Григорьева, что онъ, Банзаровъ, сталъ совсѣмъ русскимъ. Несомнѣнно, по своимъ привязанностямъ и стремленіямъ Банзаровъ былъ совершенно русскій человѣкъ; онъ былъ членъ русскаго интеллигентнаго круга; этому нисколько не могли мѣшать сохранившіяся въ немъ симпатіи къ своему добродушному племени и принадлежность къ буддійской вѣрѣ. Если-бъ такихъ Банзаровыхъ было не одинъ, а много, какая прочная связь образовалась бы между бурятскимъ племенемъ и русскимъ и какъ бы это благотворно отразилось на бурятской жизни! Паѳосъ приведенной фразы

Савельева можно не раздѣлять; можно сказать, что одна личность еще не можетъ служить общей характеристикой племени, но вѣрно то, что память о Банзаровѣ не можетъ пропадать безслѣдно для его сородичей и что напоминанія о немъ должны пробуждать въ нихъ хорошія стремленія.

Приобщеніе бурятскаго племени къ общей русской духовной жизни лучше всего можетъ быть достигнуто научной разработкой быта бурятъ и ихъ старины, и изданіемъ книжекъ, посвященныхъ описанію ихъ родины, ихъ исторіи и современной жизни. Такая литература создастъ духовное общеніе между русской интеллигенціей и бурятской средой. Въ этомъ же родѣ должна сослужить службу и наша книга.

Портретъ, приложенный къ нашему изданію, есть увеличенный посредствомъ фотографіи переснимокъ съ очень мелкаго портрета, снятаго дагерротипомъ въ сороковыхъ годахъ и приложеннаго Савельевымъ къ собранію писемъ Банзарова, напечатанному въ Трудахъ Археол. Общества, т. III, 1856 г. Намъ приходилось выбирать изъ двухъ: или дать художнику предварительно перерисовать его или прямо отпечатать фототипическимъ способомъ; въ первомъ случаѣ мы приложили бы къ изданію портретъ, который удовлетворялъ бы художественному вкусу будущаго владѣльца книги, но изображеніе потеряло бы вѣрность подлиннику. Во второмъ случаѣ рисунокъ сохранилъ бы ту грубость штриха, которая неизбѣжно является при увеличеніи снимка, но

мы избѣгли бы обвиненія въ искаженіи чертъ лица. Мы предпочли послѣднее.

Исправленіемъ восточныхъ текстовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, редакція ея обязана любезности монголиста А. М. Позднѣва.

Г. П.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Дорджи Банзарова.

Дорджи¹⁾ Банзаровъ происходилъ изъ бурятъ селенгинскаго вѣдомства, перваго Табангутскаго рода, изъ поколѣнія Урянхай, «до нынѣ пользующагося почетомъ во всей степи» по выраженію біографія, написанной Савельевымъ; родился онъ въ урочищѣ Учѣтуѣ, находящемся въ долинѣ рѣки Джиды. Отецъ его, Банзаръ Боргоновъ, былъ урядникомъ, пятидесятникомъ бывшаго Ашегабатскаго полка. Мать Дорджи звали Цоли. У Банзара Боргонова было пять сыновей, пменно Нансолама-цзондуй, Даа-лама-цыдунъ, Цыдэнъ, Бадма и Дорджи, будущій ученый. Изъ нихъ до сего времени живъ 75-лѣтній Даалама-цыдунъ Банзаровъ²⁾. На 10-мъ году отъ роду (въ 1832 г.) Дорджи былъ отданъ въ Кяхтинскую войсковую русско-монгольскую школу³⁾, гдѣ онъ выказалъ блестящія способности.

Этимъ, по всей вѣроятности, и окончилось бы его образованіе, если бы слѣдующій счастливый случай не далъ ему возможности продолжить его и блистательно закончить. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: въ 1834 году было обращено особенное вниманіе на преподаваніе восточныхъ языковъ (арабскаго, персидскаго, турецкаго, татарскаго и монгольскаго) въ Первой

1) «Дорджи» по русски значитъ «алмазъ».

2) Сообщено г. Гомбоевымъ.

3) Сообщено г. Лумбуновымъ.

Казанской гимназіи съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, приготовить переводчиковъ для службы при нашихъ миссіяхъ на востокѣ, при начальникахъ пограничныхъ съ Азіею областей и при ханахъ и султанахъ, находящихся въ подданствѣ Россіи, а съ другой, чтобы дать образованіе и дѣтямъ татаръ, бурятъ и другихъ инородцевъ. Тайша селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, прислалъ прошеніе, въ которомъ, указывая на необходимость для степныхъ думъ основательнаго знанія русскаго языка, ходатайствовалъ о принятіи въ Казанскую гимназію нѣсколькихъ малолѣтнихъ бурятъ и съ ними одного ламу. Такъ рассказываетъ Савельевъ. Едва ли тайша того времени могъ помимо начальства узнать о предстоящихъ преобразованіяхъ Казанской гимназіи; вѣроятно же, инициатива этого дѣла принадлежала какому-нибудь образованному чиновнику въ Забайкальи или еще вѣрнѣе, все это предпріятіе было административной мѣрой, внушенной министерствомъ. Ходатайство тайши было уважено: «Тѣмъ охотнѣе согласился я, — писалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ ¹⁾, — на удовлетвореніе сей просьбы, что при поддержаніи сего перваго порыва можно ожидать многочисленнаго прилива азіатцевъ въ наши учебныя заведенія».

Въ числѣ мальчиковъ-инородцевъ, предназначенныхъ тайшою въ будущіе писаря степной думы, находился и Дорджи Банзаровъ.

Въ 1835 году онъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками и командированнымъ въ Казань биликту-ламою ²⁾ Бунтумурскаго дацана ³⁾ Галсаномъ Никитуевымъ ⁴⁾, прибылъ въ Казань, гдѣ и былъ принятъ вмѣстѣ съ своими земляками въ первую Казанскую гимназію, на казенномъ содержаніи. Оторванные отъ всего родного и близкаго и, не будучи въ силахъ освоиться съ новымъ обра-

1) Журн. Мин. Нар. Пр., 1836, т. X, стр. LXV.

2) «Биликту-лама» — почетное званіе, даваемое въ буддійскихъ монастыряхъ.

3) «Дацанъ» — буддійскій монастырь.

4) Сообщ. г. Лумбунова.

зомъ жизни и непривычными климатомъ и обстановкою, сверстники Дорджи зачали на чужбинѣ и только крѣпкая и здоровая натура Дорджи выдержала трудную борьбу.

Объ этомъ времени изъ жизни Банзарова коротенькую замѣтку, написанную синологомъ В. П. Васильевымъ, находимъ въ 23 выпускѣ «Критико-біограф. словаря» г. Венгерова.

«Я уже второй годъ учился въ казанскомъ университетѣ монгольскому языку, пишетъ В. П. Васильевъ, когда зимою 1834 г. привезли изъ Забайкалья четырехъ бурятскихъ мальчиковъ въ первую гимназію. Съ ними пріѣхалъ въ качествѣ практическаго преподавателя монгольскаго языка лама (собственно гецуль) Никитуевъ; потому меня вмѣстѣ съ другимъ студентомъ (Сергѣемъ Протопоповымъ) перевели жить въ гимназію для практики въ монгольскомъ языкѣ. Наша комната была подъ Никитуевской, мальчики приходили къ нему въ свободное отъ уроковъ время и, разумеется, я зналъ ихъ всѣхъ. Одинъ, казавшійся тупымъ, скоро умеръ; другой, болѣе симпатичный (Цокто) и не уступавшій Дордже (по мнѣнію г. Васильева такъ слѣдуетъ писать это имя) въ ученіи, тоже не выдержалъ; остались Будаевъ и Банзаровъ. Первый смотрѣлъ дикаремъ, но съ товарищескими наклонностями; послѣ моего отъѣзда уже онъ былъ отданъ въ солдаты за дѣло съ инспекторомъ гимназіи Скорняковымъ. Дордже Банзаровъ казался всѣхъ моложе, сухоощавымъ, но крѣпко сложеннымъ; учился отлично, наряду съ лучшими учениками изъ русскихъ. Когда я уѣзжалъ въ Китай, онъ былъ, кажется, въ 5-мъ классѣ» (стр. 88).

Блестящія способности Банзарова скоро обратили на себя вниманіе учителей и онъ, пробывъ въ гимназіи 6 лѣтъ, съ успѣхомъ и отличіемъ окончилъ полный гимназическій курсъ и поступилъ въ 1842 году въ Казанскій университетъ. О поступленіи юнаго монгола-буддиста студентомъ въ университетъ, какъ о замѣчательномъ и выдающемся явленіи, графъ Уваровъ довелъ до свѣдѣнія Государя, и отецъ Банзарова, за успѣхи своего сына, совершенно неожиданно былъ удостоенъ Высочайшаго

вниманія. Вотъ подлинныя слова всеподданнѣйшаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1842 годъ: «Принятый въ 1835 году въ первую Казанскую гимназію на казенное содержаніе, изъ «забайкальскихъ бурятъ», Дорджи Банзаровъ, окончилъ въ семь заведеній курсъ ученія съ отличіемъ и по желанію поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ университетъ. Я имѣлъ счастье доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о семъ первомъ еще у насъ явленіи, свидѣтельствующемъ, что основательное просвѣщеніе можетъ быть принадлежностью и полудикихъ сыновъ степей монгольскихъ. Ваше Императорское Величество, благосклонно принявъ представленіе мое, изволили удостоить Всемиловитѣйшаго вниманія отца студента Банзарова, и столь лестное поощреніе, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворное вліяніе на его соплеменниковъ» ¹⁾).

Поступивъ въ университетъ, Банзаровъ продолжалъ ревностно заниматься изученіемъ восточныхъ языковъ.

Къ сожалѣнію, объ университетской жизни Банзарова мало сохранилось свѣдѣній.

Извѣстно только, что онъ кромѣ обязательныхъ занятій находилъ возможность удѣлять время переводамъ нѣкоторыхъ монгольскихъ надписей, а также много помогалъ покойному А. А. Бобровникову въ составленіи его монголо-калмыцкой грамматики. Сидя по бурятски на полу и попивая «карымскій» чай,—сообщаетъ намъ въ письмѣ М. В. Загоскинъ—они читали «Гысыра» и другія монгольскія сочиненія, и Бобровниковъ выпытывалъ у Банзарова тайны монгольскаго языка. Плодомъ этихъ занятій и была образцовая грамматика, за которую Бобровниковъ получилъ демидовскую премію и магистерскій дипломъ.

Въ этотъ же періодъ университетской жизни Банзаровъ перевелъ на монгольскій языкъ съ французскаго перевода «Странствованія китайскаго буддиста IV вѣка, по имени Фа-Сяня», опи-

1) См. Журн. Мин. Народн. Просв., 1843 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 53.